

НЕ ИСЧЕЗАЮТ СУДЬБЫ БЕЗ СЛЕДА

(Высокая нравственная миссия поисковой работы)

Однажды, путешествуя по необъятным просторам интернета, через запрос слова «Репьевка» в Яндексе я наткнулся на воспоминания Героя Советского Союза, летчика-штурмовика Николая Ивановича Пургина, которому довелось базироваться на аэродроме близ нашего села летом 1943 года. Вот фрагмент этого текста:

«В мае месяце 1943 года я привел восьмерку одноместных Ил-2 на аэродром Репьевка, на котором базировался 141-й полк. Ему было поручено перучиться на ночные полеты на Ил-2.

Однажды ночью на аэродром пришел Ме-110. В это время в воздухе находилась спарка с летчиком и командиром эскадрильи в качестве инструктора. Мессер зашел на аэродром, сбросил бомбы, на аэродроме погасили посадочные огни. Летчикам передали, что пришел истребитель, но сделать они ничего не успели. Ориентируясь, видимо, по выхлопам двигателя, он их нагнал и сбил. Утром пошли искать. Летчик был убит сразу, а комэск, будучи раненым, сумел посадить самолет и выбраться из кабины. Он полз в сторону аэродрома, но умер от потери крови. Жил он вместе с писарем полка, интересной блондинкой. Она потом пошла на реку и застрелилась: оставила записку, что все потеряла и просила похоронить ее вместе с Борисом...»

Меня эта история очень заинтересовала. В разное время по роду своей профессии мне приходилось добавлять на мемориальных плитах несколько фамилий в скорбный список похороненных в братской могиле, в том числе и М.А. Рохблат. Владимир Васильевич Константинов, работавший в то время в военкомате, сообщил, что она застрелилась. Но, просматривая фамилии, инициалы и год гибели на надгробных плитах этой могилы, я не обнаружил воина с именем Борис. Неужели во всю эту историю закралась ошибка? Однажды находившийся у меня в гостях известный краевед из Москвы П.М. Золотарев сообщил, что в интернете появился сайт Министерства обороны ОБД «Мемориал», на котором отражены безвозвратные потери личного состава Красной армии в годы Великой Отечественной войны. На этом сайте я нашел документ «Именной список безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 292 штурмовой авиационной дивизии с 1 по 15 июня 1943 года».

Под восьмым номером в этом списке значился Ляхов Герман Михайлович, старший лейтенант, командир эскадрильи 667 ШАП. В графе «Когда и по какой причине выбыл» было указано: «10.6.43 г. Погиб при нападении самолета противника». В графе «Где похоронен» написано: «Кладбище села Репьевка Воронежской области».

По всем признакам это был тот самый летчик. Но чтобы развеять все сомнения, я решил найти и его напарника, находившегося с ним в одном самолете во время того трагического ночного полета. На следующей странице этого же документа я обнаружил фамилию: «Прядильщиков Владимир Михайлович — мл. лейтенант, командир звена 667 ШАД». Погиб в один день с Ляховым и также «при падении самолета противника», похоронен на кладбище с. Репьевка. Его фамилия также выбита на мемориальной плите братской могилы. Сомнения вроде бы развеялись, но почему же сослуживец в своих воспоминаниях назвал Ляхова Германа «Борисом»?

И вдруг меня осенило! Имя Герман перекликалось с Германией — страной, с которой мы в то время вели смертельную кровопролитную войну. И, видимо, руководствуясь патриотическими чувствами, на бытовом уровне он решил носить «более русское» имя Борис. О втором персонаже этой трагической любовной истории — М.А. Рохлат — мне, увы, ничего более не удалось разузнать. Знаю, что похоронены они, как она просила в предсмертной записке, вместе, в одной братской могиле.

Казалось бы, можно ставить на этом точку. Но...

За коллективом Дома школьников, в котором я работаю, закреплена территория, где находится эта братская могила, и мы с коллегами несколько раз в году косим траву, метем и гребем старые листья, и я часто в перерывах между этим занятиями перечитывал скорбные строки, выбитые на гранитных и цементной плитах. Обратил внимание на то, что данные о рождении и смерти во многих строках неполные или вообще отсутствуют. И понял, что, имея такую возможность, как работа на сайте с фотокопиями оригинальных документов, я просто обязан попробовать уточнить информацию по всем, кто покоится в этом братском захоронении.

Декабрь, 1941 года. немецко-фашистские войска совсем рядом. Юго-Восточный фронт в 150 километрах от Репьевки. Часто в небе над селом происходят воздушные бои. Хоть и война, но в Доме культуры (возле сегодняшнего полуразрушенного инфекционного отделения, что между улицами Воронежская и Ушанева) праздновали ночью приход нового, 1942 года. Вдруг раздался свистящий звук, удар и взрыв. На улицу Ушанева, между улицами Октябрьская и Пролетарская, рухнул советский штурмовик Ил-2. Он падал с восточной стороны. Удар был такой силы, что бронированная часть кабины оторвалась от фюзеляжа самолета, по инерции улете-ла и как таран снесла крышу у дома Писаревских, упав далеко в огороде за домом. Самолет загорелся, огонь перекинулся и на строение. Начал взрываться боекомплект, который был в самолете. В это время в доме находилась Мария Павловна Писаревская с тремя малолетними детьми. Преодолевая страх и смертельную опасность, она сумела вынести детишек, Колю, Катю и Ваню, в безопасное место. (Тогдашний мальчик Ваня — ныне здравствующий Иван Федорович Писаревский, он и сейчас проживает в Репьевке.)

Жители говорили, что если бы не проремзшая земля, то самолет ушел бы глубоко в грунт. В обломках штурмовика и поодаль от него было обнаружено 3 тела членов экипажа. Местные власти сообщили военным, и через несколько дней приехали представители 289-го ближнебомбардировочного авиаполка 63-й авиационной дивизии. Они опознали тела летчиков: младшего лейтенанта Мокроусова Александра Николаевича, 1918 года рождения, уроженца г. Бийска Алтайского края, старшину Овсянникова Георгия Яковлевича, родившегося в 1917 году в г. Харькове, и старшего сержанта Набокова Петра Михайловича из Астраханской области, родившегося в 1922 году. 6 января их тела предали земле со всеми воинскими почестями — похоронили в одной яме, в том месте, где сейчас находится братс-

кая могила. В центре положили Мокророва, слева от него Овсянникова, а справа — Набокова. Все данные о личностях погибших летчиков и деталях погребения удалось найти в документе «Приложение к №1705с», подписанном командиром 63-й авиационной дивизии подполковником Степичем. Та педантичность, с которой составлен этот документ, наводит на мысль, что командиры-однополчане очень надеялись, что эти данные нужны не только родственникам погибших, но и нам, их потомкам. Конечно, кажется странным, как в двухместной машине Ил-2 оказалось трое солдат, но зачастую при перелете с одного аэродрома на другой в кабину стрелка-радиста садились два человека.

Если вы когда-либо проезжали по шоссе с. Круглое, что в соседнем Красненском районе Белгородской области, то не смогли не заметить по обеим сторонам от дороги бетонные ДОТы, на некоторые из них после войны как на постамент воздвигли сельскохозяйственные тракторы. Такой же ДОТ находился и в Репьевке на пересечении сегодняшних улиц Ушанева и Школьная, возле дома Власенко. Эти сооружения составляли часть 117 Укрепрайона, который тянулся от села Россось по правому берегу реки Потудани, потом Верхнянка, Дракино. В Репьевке оборонительные позиции были на правом и левом берегу реки, т.е. и в Бутырках. Далее проходили через Сердюки, хутор Ключи, продолжались в вышеупомянутое Круглое и тянулось на юг Белгородщины еще километров на пятьдесят. Укрепрайон строился спешно, когда стало ясно, что неудачи в конце весны и в начале лета 1942 года на Юго-Западном фронте могли перерасти в катастрофу для Красной армии. В короткие сроки из восточных районов страны были переброшены войсковые людские ресурсы. Серьезность момента подтверждается тем, что на защиту оборонительных позиций 117 Укрепрайона были отправлены курсанты Чкаловской военно-авиационной школы, и большинство

из них составляло 232-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон. На мемориальной доске братской могилы выбито несколько фамилий, на которых указан месяц смерти — июль 1942 г.: время, когда шли тяжелые бои в Репьевке и ее окрестностях.

Несколько лет тому назад, оформляя экспозицию Красненского районного краеведческого музея и желая заполнить информационный пробел о 117 Укрепрайоне, я обратился к Владимиру Васильевичу Константинову, который предоставил мне обширный документальный материал о событиях, связанных с этим оборонительным рубежом. В моем распоряжении оказались в том числе и эксклюзивные воспоминания участников тех боев. Но одно письмо-воспоминание на то время капитана запаса Сергея Александровича Рябкова, датированное 27 декабря 1979 года, особенно поразило меня искренностью и простотой изложения. Через 3 года я опять обратился к Константинову, чтобы изложить фрагмент этого письма в этой статье. Фрагмент воспоминаний излагаю без редактирования и купирования:

«4.07.1942 г. около 5–6 часов появились фашистские танки, поддерживаемые пехотой и авиацией. Причем зашли они с горы и ударили по нашему тылу, т.е. их главный удар был не к Репьевке (точнее не к мосту, который соединял Репьевку с Сердюками), а к Сердюкам.

Как только мы их заметили, то нам пришлось спешно на ходу выбирать позиции (дзоты пришлось оставить). С воздуха бомбила вражеская авиация, а отдельные самолеты на бреющем полете поливали нас пулеметным огнем. Таким образом, для ясности: наш пулеметный расчет — станковый пулемет “Максим” — оказался на самом правом фланге, т.е. на выезде из д. Сердюки. Артиллерии у нас не было, правда, в Репьевке был вкопан неисправный танк КВ. Из него, как просто из орудия, открыл стрельбу

курсант Люханов, тоже из “тагильских”, упомянуть забыл в начале письма, а вот как его звать — не помню.

Мы, пулеметчики, вели огонь по пехоте и смотровым щелям. Между танками шли цепи фашистов с закатанными по локоть рукавами, ведь тогда стояла невыносимая жара. И, несмотря на яростный огонь противника, атака противника была отбита. Танки с пехотой откатились, самолеты улетели. Наступило затишье. Здесь я услышал, не помню от кого, что был убит курсант Плотников. Сам я его убитого не видел... Что интересно, Плотников каким-то образом оказался еще правее и впереди нас.

Мы ясно себе представляли, что это была разведка боем, что все еще впереди.

И действительно, скоро атака повторилась с новой силой. На нас обрушилась танковая лавина, вновь между танками — цепи немцев, самолеты. Разгорался далеко кровавый бой.

Теперь немцы уже стали наступать на 2-м направлении: на дер. Сердюки и Репьевку (т.е. к мосту). Сейчас вспоминаю, что наши мост подожгли, и первый же немецкий танк провалился и упал в реку (об этом мне говорили ребята, когда после ранения перебрался в Репьевку).

Несмотря на упорное сопротивление, немецкие танки стали теснить нас к речушке, подступы к которой были заболочены. На другой стороне были посевы пшеницы (урожай в тот год был отменный, высота пшеницы достигала человеческого роста).

Мы отходили во весь рост, немцы от нас были 20–30 метров, и они вели огонь из автоматов не по нам (надеялись взять нас в плен), а создали вродь огненного коридора, чтобы мы не смогли разбежаться по сторонам. И вот так, буквально у них на глазах стали переходить речушку. Видя, что мы уходим, тогда они открыли огонь по нам, некоторые были убиты, погибли в болоте, а горстке солдат удалось скрыться в посевах. Мы держали путь

вдоль реки Репьевки, чтобы добраться до своих. Вышли на дорогу, которая проходила вдоль берега, и нам навстречу двигалась танкетка с немцами. Мы открыли огонь, немцы залегли, завязалась перестрелка, нас поддержали ребята из Репьевки (у них ДЗОТы были расположены вдоль реки). В этот момент кто-то сказал, что убит мл. лейтенант Молодцов, а вскоре здесь был ранен я. Немцы повернули обратно, атака (если ее можно так назвать) была отбита. Оставшаяся в живых горстка ребят, помогая мне, спустилась к берегу реки. И тут, на наше счастье, недалеко от нас над водой тянулся какой-то провод (очевидно, полевая связь), и у берега находились люди.

Так мы переправились на другой берег к своим. Здесь нас встретили ребята, среди которых был и Александр Ласков. Он меня сопровождал к тому месту, где должны быть повозки для раненых, но, не найдя их, зашли в один из домов, где Ласков какой-то тряпкой перевязал бедро левой ноги, взял 2 ухвата, наматал на них тряпки и повел меня к выезду из Репьевки. С ним я дошел до яра, и тут мы простились. Больше Александра я не видел. Ласков пошел к своим ребятам. В то время отдельные дома и, кажется, маслозавод уже горели. Вот после того, как я остался один, мне пришлось многое пережить. Ох, каким длинным показался мне этот яр (длинным, потому что было трудно передвигаться, но желание выжить было сильнее всякой боли)...»

К написанному требуется пояснение: видимо, описывается событие не 4-го, а 5 июля, и «заболоченная речушка» — это сегодняшний ручей Рудка.

В письме упоминается о гибели младшего лейтенанта Алексея Ивановича Молодцова, 1922 года рождения — командира минометного взвода 232-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона. Нашел страницу документа,

на которой были отражены потери среднего командного состава, где под 157 номером значился А. Молодцов. Просмотрев этот документ, я понял тот масштаб трагедии, которая произошла 5 июля 1942 года. Страница была под номером 12, а напротив фамилий, пронумерованных в строчках с 145 по 158, стояла одна и та же надпись: «5.07.42. Пропал без вести...» И страница была явно не последней.

А вот фрагмент воспоминания Александры Михайловны Титаренко, 1925 года рождения, записанного с ее слов 29 июня 1997 года В.В. Константиновым: «6 июля 1942 года, возвращаясь из Лихобабина яра, где они скрывались от бомбежки, обнаружили в зарослях лозы в районе старой больницы тяжело раненого связиста 1-й пулеметной роты 232-го Отдельного пулеметно-артиллерийского батальона рядового Тюменцева Дмитрия Георгиевича, 1923 года рождения, уроженца д. Смирновки Ишимского района Тюменской области. Опасаясь немцев, они замаскировали раненого в зарослях лозы, а вечером забрали к себе домой, где оказали медицинскую помощь. В течение 3 суток, используя все доступные средства, они боролись за жизнь солдата. Но у него началось заражение крови, 9 июля он умер. Похоронили рядового Тюменцева на краю кладбища с. Репьевка».

Номер минометного расчета — красноармеец Михаил Степанович Таранцев, 1923 года рождения, также был убит в этом бою.

На левом берегу реки Потудани сложили голову и минометчики: Михаил Иванович Торощев, 1923 года рождения, уроженец Тамбовской области, и Иван Васильевич Глубокий, родившийся в Сталинградской области в 1909 году. Просматривая документ «Именной список на убитые младшего и рядового состава минометного батальона 20 МСБр с 30.6.42 г. по 1.10.42 г.», в котором отражен факт смерти красноармейца Торощева М.И. и Глубокого И.В., павших 5.7.42 г. (их имена тоже занесены в список погибших на плитах нашей братской

могилы), я натолкнулся на записи в этом же документе, которые указывали еще на двоих воинов, которые также погибли 5.7.42 г. и были похоронены в Репьевке. Это красноармейцы Анисим Тимофеевич Барака, уроженец Ворошиловградской области, 1914 года рождения, и командир отделения, младший сержант Владимир Иванович Иньков из Орджоникидзовского края, г. Ворошиловска, родившийся в 1914 году.

Павших защитников 117 Укрепрайона в условиях оккупации хоронили на месте их гибели местные жители. Порой их зарывали в артиллерийские воронки, окопы и разрушенные блиндажи. Эксгумировали для перезахоронения только начиная с 1946 года, и то, как вы понимаете, далеко не всех. Фашисты пленных наших солдат содержали в церкви. Пытавшихся бежать или не подчинившихся тут же, возле храма, расстреливали и вывозили на телегах на «глинище» — место, где сейчас находится спортивная площадка Репьевской общеобразовательной школы.

Еще будучи школьником, я случайно наткнулся на одно из таких захоронений, которое вымыло дождевым потоком на склоне оврага. Были найдены останки человеческого скелета, кости рук были связаны брючным ремнем, череп прострелен. Тут же находился полуистлевший ботинок, под стелькой которого обнаружил «Книжку железнодорожника», по-моему, она так называлась. С трудом просматривалась какая-то записка. Эту находку, т.е. книжку, я отдал учительнице Лидии Николаевне Казбановой.

Остается добавить, что период оккупации — наиболее неизученный и сложный период в установлении имен погибших и пропавших без вести. По этой причине встречается в документах такое количество ошибок и нестыковок.

Крупных боев при освобождении Репьевки в январе 1943 года не было, но не обошлось без жертв. Основная часть немецких и венгерских войск покинула наше село и ушла в сторону с. Крас-

ное еще до прихода разведчиков нашей 25-й стрелковой дивизии. Очевидцы рассказывают, что сначала к селу подошли лыжники и кавалеристы, за ними — батарея «Катюш», но открывать огонь не пришлось. Часть венгерских солдат и венгерских евреев, которые использовались как рабы у войск оккупантов, стали выбираться из своих укрытий, сдаваться нашим солдатам. Из них формировались группы, назначались старшие, и они двигались своим ходом на станцию Давыдовка, на пункт сбора военнопленных.

А наши воины, что погибли в стычках с неприятелем 13–16 января по пути следования войск, были преданы земле в уже существующей братской могиле. Просматривая фамилии погибших и сверяя с теми документами, что обнародованы на сайте ОБД «Мемориал», я постарался внести добавления и устранить неточности в этих записях.

Елисеев Степан Иванович, гв. красноармеец-стрелок, родился в г. Владимире 1910 г., убит в бою 16.1.43 г.

Шуригин Михаил Захарович, гв. красноармеец-снайпер, родился в Киевской области, п. Смола, убит в бою 13.1.43 г.

Акуленко Алексей Александрович, гв. красноармеец-стрелок, родился в Орловской области, в д. Чоховад, убит в бою 13.1.43 г.

Туяков Сагир, гв. красноармеец-стрелок из Казахской ССР, Декомбитынского района, убит в бою 12.1.43 г.

Бакиров Ситуин Бакирович, гв. красноармеец-стрелок, родился в Татарии, Калининском районе, убит в бою 13.1.43 г.

Все они похоронены, согласно документу, на восточной окраине с. Репьевка. А вот документа, кроме записи в паспорте братской могилы, на лейтенанта Лаврова Николая Даниловича и сержанта Сидорова Валентина Семеновича, погибших через три дня, после освобождения нашего села, т.е. 16.1.43 г., я не нашел. Видимо, они умерли в Репьевке от ранений, полученных прежде.

На сайте ОБД «Мемориал» присутствует фотокопия паспорта 1990 года, на который я несколько раз ссылался, на нашу братскую могилу № 263 с печатью и подписью Репьевского военкома. В этом документе обнаружены несоответствия надписям на плитах на братской могиле и даже досадные ошибки. В паспорте присутствует информация о Леденеве Михаиле Павловиче, 1915 года рождения, который погиб 1 ноября 1943 года. Найдя фотокопию первоисточника, я понял, что произошла ошибка. В документе о безвозвратных потерях 191-го гв. полка 86-й гв. дивизии с 1 по 29 ноября 1943 года указано, что Леденев погиб в Запорожской области и похоронен в Н-Репьевке той же области... Видимо, составители этого паспорта даже не подумывали, что когда-либо этот документ станет достоянием широкой гласности. Также на плите есть надпись о захоронении Никитина В.В., родившегося в 1920 г. и погибшего в 1942 году. В паспорте братской могилы информация о Никитине отсутствует, как и на сайте «Мемориал».

Все это говорит о том, что братские могилы, воинские захоронения минувших сражений нуждаются в постоянном внимании и обновлении. Важно понимать, что следы затерявшихся было воинских и просто человеческих судеб не исчезают без следа. Наш долг возвращать эти имена памяти наших дней. Хочется надеяться, что этот мой скромный труд стал «словом», за которым непременно последует «дело».

От души благодарю за познавательные беседы жителей Репьевки: К.Н. Сторчакову, Н.Д. Тесленко, И.Ф. Писаревского, Е.А. Чехлатую, Л.П. Артеменко и В.В. Константинова.

Игорь ГОРЯИНОВ,
*педагог дополнительного образования,
командир поискового отряда
«Потудань»,
с. Репьевка*